

“Позови меня“ (Коренблит – Сельвинский)

1. Весеннее	– 1.24
2. Уронила девушка перчатку	– 2.10
3. Клен	– 2.15
4. Как охотник	– 1.51
5. Лебедь белая моя	– 2.21
6. Ты гордая	– 2.39
7. Я мог бы	– 1.35
8. Мое далекое страданье	– 1.44
9. Одна	– 2.10
10. Береза	– 2.14
11. Заночуй, милочек...	– 3.00
12. Казачья	– 3.23
13. Песня казачки	– 3.11
14. Казачья колыбельная	– 5.18
15. Берест	– 1.41
16. Если не выскажусь	– 0.59
17. Советская сказочка	– 2.00
18. Голодаю по тебе	– 1.48
19. Позови меня	– 1.49
20. Что взгрустнулося тебе?	– 1.37
21. Ты со мной	– 1.07
22. В берлоге души	– 2.53
23. Дрема	– 1.42
24. На концерте	– 1.44
25. Девушка и контрабас	– 1.56
26. Шотландская	– 1.34
27. Норвежская	– 2.04
28. Карусель	– 1.39
29. Бессмертье	– 2.42

Общее время звучания – 62.30

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВЕСЕННЕЕ

Весною телеграфные столбы
 Припоминают, что они — деревья.
 Весною даже общества столпы
 Низринулись бы в скифские кочевья;
 Скворечница пока еще пуста,
 Но воробьишки спорят о продаже,
 Дома чего-то ждут, как поезда,
 А женщины похожи на пейзажи.
 И ветерок, томительно знобя,
 Несет тебе надежды ниоткуда.
 Весенним днем от самого себя
 Ты, сам не зная, ожидаешь чуда.

2. УРОНИЛА ДЕВУШКА ПЕРЧАТКУ

Уронила девушка перчатку
 И сказала мне: «Благодарю».

Затомило жалостно и сладко
Душу обреченную мою.

В переулочек девушка свернула,
Может быть, уедет в Петроград.
Как она приветливо взглянула,
В душу заронила этот взгляд.

Море ждет... Но что мне это море?
Что мне бирюзовая вода,
Если бирюзовинку во взоре
Не увижу больше никогда?

Если с этой маленькой секунды
Знаю — наяву или во сне, —
Все норд-осты, сивера и зунды
Заскулят не в море, а во мне?

А она и думать позабыла...
Полная сиянья и тепла,
Девушка перчатку уронила,
Поблагодарила и ушла.

3. КЛЁН

Шла лужайка под уклон,
Шел и я по той лужайке.
На лужайке старый клен,
Старый клен в зеленой майке.

Поклонился я ему.
Отчего? Не понимаю...
То ли клену, то ли маю,
То ли миру самому?

Только вдруг мой старый клен
Вскинул весело кудрями
И пошел в полупоклон,
Подбоченившись ветвями.

И глядит сосновый бор
На старинную повадку.
Как он сыплет перебор,
Как он ринулся вприсядку.

То корнями впереплет
И налево, и направо,
То он «барыней» плывет,
Будто писаная пава.

Что за чудо во бору
В этот синий день весенний?
Я ж второе воскресенье
В рот хмельного не беру...

А зеленый милый клен
Так и ходит! Так и машет!
Эх, ребята! Кто влюблен,
Для того и клены пляшут.

4. КАК ОХОТНИК

Как охотник ловит серебристую,
Выследив тропу ее к воде,
Этой сероглазою да быстрою
Чуть не бредя всюду и везде,

Так и я, чего-чего ни делаю...
У меня капкан, как волшебство.
День за днем, неделя за неделю
Рыщу в тропах сердца твоего.

Думаю: вот-вот она объявится...
Я ее навеки приручу.
Где-нибудь должна же ты, красавица,
Подойти к заветному ручью.

Вот она! Ее повадка гоночья!
Только б не случилось одного:
Не вспугнуть бы глупого лисеночка
Перебоем... сердца... моего...

5. ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ МОЯ

Ты стоишь передо мною,
Неземное существо,
Дразнит сердце белизною
Пена платья твоего.

Что-то есть в тебе лебяжье:
Плечи, плавность, но, увы,
Отойти меня обяжет
Говорок людской молвы.

Как сольем с тобой уста мы,
Если шепчут свыше мер: —
Кавалер-то ниже дамы,
Ниже дамы кавалер...

Как тут быть? Не знаю просто.
Видно, встречи не с руки...
Мы, орлы, не вышли ростом,
Только крылья широки.

Нет, не думаю, не верю,
Не желаю, не хочу.
Распахну свои я перья,
Над тобою залечу —

И лебедку молодую
За ее за белизну
Зачарую, заколдую,
Ветром сердце оплесну.

Пусть ей кличут из болотца:
«Журы! Журы!» Знаю я;
Под крылом моим забьется
Лебедь белая моя.

6. ТЫ – ГОРДАЯ

Ты — гордая, как все, что расцвело!
Ты среди нас, но ты от нас далёко.
Тебя ничто со мною не свело,
Твоя дорога — не моя дорога.

Душа твоя летит на чьи-то голоса,
Но отчего отдаться им не может?
Тебя преследуют мои глаза,
Моя тоска тебя тревожит.

И ты, причесываясь перед сном,
Со шпилькою в зубах скрежещешь: «Надоело!
Зачем я думаю о нем?
Какое до него мне дело?»

О, этого ты не прощаешь мне!
Ты вся возмущена недоуменно,
Ты днем недосыгаемо надменна,
Но я дышу с тобой в твоём горячем сне.

7. Я МОГ БЫ

Я мог бы вот так: усесться напротив
И всё глядеть на тебя и глядеть,
Всё бытовое откинув, бросив,
Забыв о тревожных криках газет.

Как нежно до слез поставлена шея,
Как вся ты извечной сквозишь новизной.
Я только глядел бы, душой хорошея,
Как хорошеют у моря весной,

Когда на ракушках соль, будто иней,
Когда тишина еще кажется синей,
А там, вдали, где скалистый проход, -
Огнями очерченный пароход...

Зачем я подумал о пароходе?
Шезлонг на палубе... Дамский плед...
Ведь счастье всё равно не приходит
К тому, кто за ним не стремится вслед.

8. МОЁ ДАЛЕКОЕ СТРАДАНИЕ

Я слоняюсь в радости недужной,
Счастье ты мое, моя тоска...
Ничего мне от тебя не нужно —
Ни дыхания, ни шепотка,

Ни твоих ладошек полудетских,
Из которых пил бы я тепло,
Ни полупоклонов этих дерзких,
Будто мне подаренных назло.

Не голубка — ты скорее сокол,
И тебя стрелою не добыть.
Но ведь оттого что ты высоко,
Женщиной не перестала быть, —

И мое далекое страданье,
Стиснутое, сжатое толпой,
Розой окровавленной в стакане
Будет полыхать перед тобой.

9. ОДНА

Снова зорька аленькая!
Надоела просто.
Я лежу, как маленькая,
Хоть большого роста.
Ой, не ной ты, жаворонок,
Утром у окошка,
Не звени ты, зимородок,
Пожалей немножко.
Не шуми ты, лиственница,
Точно под порошей:
Милый мой не здоровается
Со своей хорошей.
Так на что мне глазки мои,
Глядящие быстро,
Солнышком обласканные,
Золотые с искрой?
Так на что мне глянцевая
Новая посуда?
Милый не заглядывает
Ни туда, ни сюда.
Зорька красногривенькая
Ускакала за-поль.
Слезы, точно гривенники,
Льются прямо на пол.

10. БЕРЕЌЗА

Ты, березонька рябая,
Черно-пегая моя.
Под тобою ли, березонькой,
Стоит себе скамья.

Ах, на той ли на скамейке
Меня милый целовал,
Называл меня «березкой»,
Ненаглядной называл.

Как-то лето пролетело?
Как очнулась я от сна?
Как на этой на скамейке
Я осталась одна?

Грусть-тоска меня терзает,
Совесь девичья корит,
А березка, будто свечка,
Желтым пламенем горит.

Вот и свечка догорела,
Завела береза вой,
Машет розгами береза
Над моею головой.

Не пугай меня, родная,
Мы с тобой одной семьи:
Неразлучные сестрицы
У некрашеной скамьи.

11. ЗАНОЧУЙ, МИЛОЧЕК...

«Заночуй, милочек,
Заночуй разочек, —
Чай, немного по дороге
Ласковых-то ночек».

«Рад бы ночеваты,
Та боюсь проспаты:
Боевые командиры
Могут покараты».

Но голубкой тает,
Холит, потекает
Молодая дивчиночка,
Ладная такая.

А наутро солнце
Грянуло в оконце —
Затомило, замутило
В сердце зскадронца:

Барабаны сбили,
Музыка сыграла,
Конница-буденница
Конив напувала.
Конив напувала,
Со двора съезжала,
Со двора съезжа-ла-ла-ла

Саблями бряцала.
Саблями бряцала,
Песней величала —
Коники за домики
Цокали сначала.
Все белы, как сне-да-ги-да,
Сивые, седые-да-я-да,
Воронные, пегие,
Буланные, гnedые...
Зори и морозко.
Солнце вроде воска.
Па улице уходило
Червонное войско.

Стубило милова
Дивчиночье слово:
Боевые командиры
На устав суровы.

На устав суровы,
Стиснутые брови!
За рекой белобандиты —
Будьте готовы!

12. КАЗАЧЬЯ

Ах ты, конь мой, конь, золота-заря,
Молодой мой конь! Огонек!
Серебром тебя я поил зазря...
И зачем поил? Невдомек.

Отвели тебя за литой лафет.
Я сижу с пехотою в ряд.
Говорят, коню нынче дела нет,
Устарел, мол, конь, говорят.

На него теперь не надейся тут.
Пулемет у нас да картечь.
Хорошо еще, коли в рейд пошлют,
Без того и шашке не сечь.

От таких речей казаку тоска.
Видно, впрямь надежду оставь.
Эх ты, конь мой, конь! Эх, Кубань-река,
Одолел пехотный устав.

Самоходка-пушка торчит во рву.
За хатенкой спит самолет.
Эта божья тварь не жует траву,
Из ручья-ключа не сосет;

Не подымет храп, увидав меня,
Не зовет с тоской в стремяна.
Хоть огня полна — не того огня...

Изменилися времена.

Ну да что скулить! Проживем и так.
От тоски не будет добра.
На большом бугре появился танк —
И пыхнуло пламя с бугра.

Как ударил раз — самоходку сбил,
Как ударил два — самолет.
Отогнать его не достанет сил,
А оставить — всех перебьет.

Эх ты, конь мой, конь, золота-заря,
Золотой мой конь. Ветерок!
Я ползу к нему, как в бреду горя...
Я вскочил. Лечу без дорог.

Две гранатки здесь. Раззудись, плечо...
Долетел мой конь до бугра.
Я рванул разок! Я рванул еще!
А меня догнало «ура».

Холодна земля в ноябре-поре.
Горяча кровавая грязь.
Ну а все ж и танк на большом бугре
Завалился, дымом курясь.

Говорят бойцы, что совсем не зря
Своего конька я хранил,
Ах ты, конь мой, конь, золота-заря!
Целый взвод тебя хоронил.

13. ПЕСНЯ КАЗАЧКИ

Над рекой-красавицей птица не воркует —
Голос пулемета заменил дрозда.
Там моя заботушка, сокол мой воюет,
На папахе алая звезда.

Я ли того сокола сердцем не кормила?
Я ли не писала кровью до зари?
У него, у милого, от его да милой
Письмами набиты газыри.

Письма — не спасение. Но бывает слово —
Душу озаряет веселей огня.
Если там хоть весточки ожидают снова,
Это значит — помнят и меня.

Это значит — летом ли, зимней ли порошей
Постучит в оконце звонкое ружье,
Золотой-серебряный, друг ты мой хороший,
Горюшко военное мое.

Над моей бессонницей пролетают ночи.
Как закрою веки — вижу своего.
У него, у милого, каренькие очи...
Не любите, девушки, его.

14. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Серебристая луна.
Золотая зыбка.
Истомишься ты без сна,
Детка моя, рыбка!
Я еще тебе спою.
Мир тебе приснится.
Твой отец теперь в бою —
Вот кому не спится!
Баю-бай... Баю-бай...
Спи, а то возьмет бабай.

Подвела ему коня
Рыжего, как пламя,
Конь, подковами звеня,
Двинулся полями.
По долинам, по долам
Пусть и он пылает.
По фашистским по тылам
Твой отец гуляет.
Баю-бай... Баю-бай...
За родной воюет край.

Бурка черная на нем,
Словно беркут, вьется.
С краснопламенным конем
В бой казак несется.
Черный глаз его не сглазь!
В яму конь не ступит.
Та рука не родилась,
Что отца зарубит.
Баю-бай... Баю-бай...
Не зарубит. Не рыдай.

Но спасется ль от огня?
В бурку метит дуло.
Вдруг да свалится с коня,
Словно ветром сдуло!
И останутся тогда —
Домовина-хатка,
Солдатенок-сирота,
Вдовушка-солдатка.
Баю-бай... Баю-бай...
Спи, мой мальчик. Засыпай.

Больше я тогда, сынок,
Баяк петь не буду.
Я отточенный клинок

С желобцом добуду,
И пролью вдоль желобца
Я слезинку злую,
И вскочу на жеребца,
Лошадь удалую.
Лихо в бурку завернусь,
Вихрем-ведьмой обернусь.

Над водою пелена,
Пули над водою...
Вдруг покажется луна
Люлькой золотою.
Задохнусь от духоты,
Не пойму, что зябко...
— Где же мама? — спросишь ты,
И ответит бабка:
— Баю-баюшки-баю...
Твоя матушка в бою.

15. БЕРЕСТ

Жили берест и береза,
Как жених с невестой,
Вместе дрогли от мороза,
Шелестели вместе.

Как друг дружку-то любили:
Жили душа в душу!
Но березку подрубили,
Сделали долбушу.

Унеслась она за берег
Лодкой удалою...
И тогда заплакал берест
Желтою смолою.

Та смола упала в море,
В бури окунулась.
Через год мужское горе
Янтарем вернулось.

16. ЕСЛИ НЕ ВЫСКАЖУСЬ

Если не выскажусь – задохнусь!
Днём сокровенное – в угол под лавку.
Ночью проснёшься и слушаешь Русь:
Каждою жилкой каждую травку.

Сосны шумят, будто поезд идёт.
Поле кого-то шурша утешает.
Столб телеграфный – и тот поёт,
Проволока – и та вещает!

Форточка каркает. Ноеет гнус.
Лишь я свою душу молотом в плюшку!

Если не выскажусь – задохнусь.
И вот кричу... закусив подушку.

17. СОВЕТСКАЯ СКАЗОЧКА

Посадили дедку за репку,
Бабку за дедку,
Внучку за бабу,
Жучку за внучку,
Кошку за Жучку —
Таскали, тянули,
Семнадцать лет протянули.

Выпустили дедку,
Сделали отметку:
«Ни в чем не виновен».

А у дедки ни дровен,
Ни грабель, ни цапки,
А у дедки ни бабки,
А у дедки ни внучки,
Ни кошки, ни Жучки.

— Ну, и что? — сказал дед. —
Ну, семнадцать лет,
Ну, разбили очки,
Ну, сыграли в дурачки.
— Ничего! — сказал дед,
Вернусь в университет.

Вернулся в Москву,
Стоит наяву.
Все ему рады,
Целуют крепко:
— Милости просим!
Занимайтесь репкой.

18. ГОЛОДАЮ ПО ТЕБЕ

Годами голодаю по тебе.
С мольбой о недоступном засыпаю,
Проснусь – и в затухающей мольбе
Прислушиваюсь к петухам и к лаю.

А в этих звуках столько безразличья,
Такая трезвость мира за окном,
Что кажется – немислимо разлиться
Моей тоске со всем ее огнем.

А ты мелькаешь в этом трезвом мире,
Ты счастлива среди простых забот,
Встаешь к семи, обедаешь в четыре –
Олений зов тебя не позовет.

Но иногда, самой иконы строже,

Ты взглянешь исподлобья в стороне –
И на секунду жутко мне до дрожи:
Не ты ль сама тоскуешь обо мне?

19. ПОЗОВИ МЕНЯ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!

Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода.
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня,
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени –
Я дыханьем тебя обойму!

Позови меня, позови меня,
Поз-зови меня...

20. ЧТО ВЗГРУСТНУЛОСЯ ТЕБЕ?

Что взгрустнулося тебе?
То не томное забвенье,
Все не так, не по себе,
Даже пенье уж не пенье.

Стала доля жестока.
В ясный холод полнолуныя
Прижилась в тебе тоска,
Злая черная горбуныя!

С ней встаешь ты поутру,
С нею к ночи засыпаешь...
Дум твоих не разберу:
Ты молчишь. Не отвечаешь.

То ли милая ушла,
С кем-то вихрем закружила,
То ли молодость прошла,
Как подружка изменила?

21. ТЫ СО МНОЙ

Мечта моей ты юности,
Легенда моей старости!
Но как не пригорюниться
В извечной думе – наросте

О том, что юность временна,

А старость долго тянется,
И кажется, совсем она
При мне теперь останется...

Но ты со мной, любимая,
И, как судьба ни взбесится,
Опять, опять из дыма я
Прорежусь новым месяцем.

И стану плыть в безлунности
Сиянием для паруса!
Мечта моей ты юности,
Легенда моей старости...

22. В БЕРЛОГЕ ДУШИ

Мы начинаем с тобой стареть,
Спутница дорогая моя...
В зеркало вглядываешься острей,
Боль от самой себя затая:

Ты еще вся в озарении сил,
В облаке женственного тепла,
Но уже рок. Изобразил.
У губ и глаз. Пятилетний план.

Но ведь и эти морщинки твои
Очень тебе, дорогая, к лицу.
Нет, не расплющить нашей любви
Даже и времени колесу!

Меж задушевных имен и лиц
Ты как червонец в куче пезет,
Как среди меха цветных лисиц
Свежий, как снег, белый песец.

Если захочешь меня проклясть,
Буду униженной всех людей,
Если ослепнет влюбленный глаз,
Вспоминаньями буду глядеть.

Сколько отмучено мук с тобой,
Сколько иссмеяно смеха вдвоем!
Как мы, невзысканные судьбой,
К радужным далям друг друга зовем.

Радуйся ж каждому новому дню!
Пусть оплетает лукавая сеть —
В берлоге души тебя сохраню,
Мой драгоценный, мой Белый Песец.

23. ДРЁМА

Я лежу. Стена сырая в каплях.
Сон не сон, а все-таки не явь.

Нарисую на стене кораблик,
Оплесну — и прямо в бурю правь!

Ну, теперь прощай, брат Севастополь,
Здравствуйте, Константинополь-друг!
Но ведь дома и котенок — соболь,
На чужбине котик — бурундук.

Но хоть в рай влечу на этих зверях,
Как расстаться, родина моя?
Как покинуть золотистый берег,
Где живут З. Т. или Е. А.?

Знаю, знаю, что ни той, ни этой
Не втянуть в мой заповедный круг,
Но живу, мечтаньями согретый,
Словом феерическим: «А вдруг?»

24. НА КОНЦЕРТЕ

Дирижер, крутой и своевольный,
Жаждой бури явно обуян:
В скрипках зыбь, в виолончелях волны,
В контрабасах воет океан.

И сквозь этот музыкальный хаос,
От родной отчаливши земли,
Выплыли, как приказал им Штраус,
Арфы, золотые корабли.

Как ревет и воет океан!
Что мы, кораблишки, делать станем?
Но с небес мерцает им орган
Серебристым северным сияньем.

25. ДЕВУШКА И КОНТРАБАС

Джаз грохотал, залихватски рыдая,
В четыре трубы растрюбась.
Там девушка рыженькая и молодая
Вышла замуж за контрабас.

Она прильнула к нему вплотную,
Обнявши его за плечи,
Но это ничуть старика не волнует:
У контрабаса больная печень.

Он желчно ворчит. У него отрыжка.
Брюзжит — и тут же прощения просит,
Но все равно эта девушка рыженькая
Его никогда не бросит.

Так и живут. Безгрошие дочиста.
Она со шлейфом, а он во фраке.
Все-таки буржуазное общество

Знает и чистые браки.

26. ШОТЛАНДСКАЯ

Девочка на бере-
Девочка на бе-ре?
Девочка на берегу
Собирает раковины.
Беленькие, сере-
Беленькие, се-ре?
Беленькие, серенькие,
Пестрые, караковые.

Она, их пронзая,
Она, их пронза-я?
Она их пронизывает
Ниточкой оранжевою,
И сидит у мая -
И сидит у ма-я?
И сидит у маяка,
Никого не спрашивая.

А мальчишка Джонни,
А мальчишка Джон-ни?
Станет околдованным
Этакой безделицею.
И не будет пони-
И не будет по-ни?
И не будет понимать,
Что такое делается.

Девочка на бере-
Девочка на бе-ре?
Девочка на берегу
Собирает раковины.
Беленькие, сере-
Беленькие, се-ре?
Беленькие, серенькие,
Пестрые, караковые.

27. НОРВЕЖСКАЯ

Я с тоской,
Как с траурным котом,
День-деньской
Глядим на старый дом,
До зари
В стакан гремит струя...
(О, Мария
Милая моя...)

Корабли
Сереют сквозь туман.
Моря блик
Сведет меня с ума.

Стой! Замри,
Скрипичная змея!
(О, Мария
Милая моя...)

Разве снести
В глазах бессонных соль?
Разве есть
Еще такая боль?
О миры
Скрежещется ноябрь!
(О, Мария
Милая моя...)

Кончен грог.
Молочницы скрипят.
Скрипку в гроб,
Как девочку, скрипач.
Звонари
Уходят на маяк.
(О, Мария
Милая моя...)

День, как год,
Как черный наговор.
Я да кот,
И больше никого,
Примири
Хоть с гибелью меня,
О, Мария
Милая моя...

28. КАРУСЕЛЬ

Шахматные кони карусели
Пятнами сверкают предо мной.
Странно это круглое веселье
В суетной окружности земной.

Ухмыляясь, благостно-хмельные,
Носятся (попробуй пресеки!)
Красные, зеленые, стальные,
Фиолетовые рысаки.

На «кобылке» цвета канарейки,
Словно бы на сказочном коне,
Девочка на все свои копейки
Кружится в блаженном полусне...

Девочка из дальней деревеньки!
Что тебе пустой этот забег?
Ты бы, милая, на эти деньги
Шоколад купила бы себе.

Впрочем, что мы знаем о богатстве?
Дятел не советчик соловью.
Я ведь сам на солнечном Пегасе
Прокружил всю молодость свою;

Я ведь сам, хмелея от удачи,
Проносясь по жизни, как во сне,
Шахматные разрешал задачи
На своем премудром скакуне.

Эх ты, кляча легендарной масти,
На тебя все силы изведя,
Человечье упустил я счастье:
Не забил ни одного гвоздя.

29. БЕССМЕРТЬЕ

Бессмертья нет. А слава только дым.
И надыми хоть на сто поколений,
Но где-нибудь ты сменишься другим
И все равно исчезнешь, бедный гений.

Истории ты был необходим
Всего, быть может, несколько мгновений.
Но не отчаивайся, бедный гений,
Печальный однодум и нелюдим.

По-прежнему ты к вечному стремись!
Пусть тебя не покидает мысль
О том, что отзвук из грядущих далей
Тебе нужней и лавров, и медалей.

Бессмертья нет. Но жизнь полным-полна.
Когда бессмертью отдана она.